

*Знак: проблемное поле медиаобразования. 2024. № 1 (51). С. 71–78.
eISSN 2949-3641; ISSN 2070-0695 (print).*
*Знак: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2024;1(51): 71–78.
eISSN 2949-3641; ISSN 2070-0695 (print).*

Научная статья
УДК 070
DOI 10.47475/2070-0695-2024-51-1-71-78

МИХАИЛ ГУС И ЕГО ВКЛАД В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ КУЛЬТУРУ

Ирина Анатольевна Фатеева

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
fateevafia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2119-2120>

Аннотация. На основе архивного, биографического, историко-генетического и некоторых других методов анализируется фигура Михаила Семеновича Гуса (1900–1984), не становившаяся до сих пор предметом специального рассмотрения в монографическом ключе. Цель работы заключается в попытке систематизировать уже имеющиеся в литературе и ввести в научный оборот еще неизвестные общественности сведения о его личности и многосторонней деятельности и на этой основе представить его вклад в отечественную культуру. Прослеживая жизненный путь М. С. Гуса, автор подробнее останавливается на его наиболее значимых эпизодах, воспроизводимых на основе документов личного архива писателя, хранящегося в РГАЛИ, а также публикаций в открытых источниках. К их числу относятся период его становления как журналиста и организатора новой системы прессы в первые годы советской власти на Украине; журналистская, редакторская и газетоведческая деятельность в 1920-е гг., а также контрпропагандистская работа на радио в 1941–1946 гг. Приводятся также примеры литературного и литературно-критического творчества писателя. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что наиболее ценным следует признать вклад Гуса в развитие таких областей, как журналистика и массовые коммуникации (периодика, радио, информационные агентства, публицистика, контрпропаганда антифашистского толка), наука о журналистике (газетоведение), подготовка кадров для СМИ, отраслевое профсоюзное движение, исторические жанры в литературе, тогда как при жизни он был известен прежде всего как критик, литературовед и организатор партийно-политической работы в среде советских писателей.

Ключевые слова: М. С. Гус, журналистика, газетоведение, контрпропаганда на радио, Нюрнбергский процесс, критика

Для цитирования: Фатеева И. А. Михаил Гус и его вклад в отечественную культуру // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2024. № 1 (51). С. 71–78. doi: 10.47475/2070-0695-2024-51-1-71-78

Original article
MIKHAIL GUS AND HIS CONTRIBUTION TO RUSSIAN CULTURE

Irina A. Fateeva

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, fateevafia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2119-2120>

Abstract. The author analyzes on the basis of archival, biographical, historical-genetic and some other methods the figure of Mikhail Semyonovich Gus (1900–1984), which has not yet become the subject of special consideration in a monographic way. The aim of the paper is to try to systematize the information already available in the literature and to introduce into scientific circulation information still unknown to the public about his personality and multilateral activities and on this basis to present his contribution to Russian culture. Tracing the life path of M. S. Gus, the author dwells in more detail on his most significant episodes, reproduced on the basis of documents from the writer's personal archive stored in RGALI, as well as publications in open sources. These include the period of his formation as a journalist and organizer of the new press system in the early years of Soviet power in Ukraine; journalistic, editorial activities and newspaper studies in the 1920s, as well as counter-propaganda work on the radio in 1941–1946. In addition, the author gives examples of literary and literary-critical creativity of the writer. As a result of the research, the author comes to the conclusion that Gus made the most valuable contribution to the development of such areas as journalism and mass communications (periodicals, radio, news agencies, journalism, anti-fascist counter-propaganda), the science of journalism (newspaper studies), training for the media, the sectoral trade union movement, historical genres in literature. Whereas during his lifetime he was known primarily as a critic, literary researcher and organizer of party and political work among Soviet writers.

Key words: M. S. Gus, journalism, newspaper studies, counter-propaganda on the radio, the Nuremberg trials, criticism

For citation: Fateeva I. A. (2024). Mikhail Gus and his contribution to Russian culture. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*. 1(51): 71–78. doi: 10.47475/2070-0695-2024-51-1-71-78 (In Russ.).

Введение

Имя Михаила Гуса (1900–1984) практически неизвестно современным ученым: упоминания о нем крайне редки, даже страницы в Википедии у него нет. Но объективно историкам отечественной науки, общественной жизни и словесности советского периода не мешало бы обратить на него внимание, ибо изложение некоторых ключевых эпизодов культурной жизни в СССР без обращения к этой фигуре будет неполным. Мы имеем в виду, например, развитие журналистики и науки о ней в 1920-е гг., становление пропаганды и контрпропаганды на радио в 1940-е или полемику вокруг выхода знаковых литературных произведений в позднесоветские годы. Сама по себе протяженность того временного отрезка, на который падают факты активного влияния Гуса на духовную жизнь в стране, уже требует пристальнее приглядеться к его личности и биографии.

И первое, с чем столкнется исследователь, заинтересовавшийся этой персоной, – противоречивость ее оценок современниками и потомками. Так, Владимир Войнович в своих беллетризованных мемуарах рассказал, что его дебют в литературе был встречен негативным откликом М. Гуса в «Лижи» («Литературной жизни» – газете, «стоявшей на позициях, близких к сталинским») и что впоследствии «этот Гус <...> бдительно следил за каждым <...> шагом» писателя, «придерживающегося чуждой нам поэтики изображения жизни “как она есть”». Однако Войнович, по его признанию, «ему всё простил», поскольку тот «искренне извинился». Было это в 1980 г., когда Гусу исполнилось 80 лет (Войнович В. Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича (рассказанные им самим). Гл. 59. https://litlife.club/books/146809/read?page=76#section_276). При попытке поздравить его с юбилеем Войнович услышал:

- Да уж с чем там поздравлять, – вздохнул он.
- Хотя бы с тем, что вы до этого возраста дожили.
- Да, – согласился Гус. – Дожил. И много чего сделал. Много плохого сделал. Вот и вас травил.
- Ну, это, – решил я его утешить, – уже не важно.
- Нет, важно, – сказал он и вдруг заплакал. И, махнув рукой, отошел...

Травил Гус-критик не только Войновича, но и других не вписавшихся в советскую систему литераторов. Не гнушался и уже покинувшими этот мир. Например, широко известно о полемике Гуса с В. Лакшиным по поводу первой публикации «Мастера и Маргариты». В ней автор ставил под сомнение особое значение для литературы романа М. Булгакова, а его безусловного ценителя и защитника (В. Лакшина) обвинял «в идеализме, мистицизме», «экзистенциализме, персонализме, неотомизме и, конечно же, в нонконформизме» (Лакшин В. Последний акт. Дневник 1969–1970 годов. <https://magazines.gorky.media/druzhba/2003/4/poslednij-akt.html>).

Однако судить только по этим фактам о роли Гуса в советской культуре (как о гонителе всего выбивавшегося из ряда «канонических» образцов литературы соцреализма) было бы абсолютно неверно. Оказывался он и на противоположной стороне, иногда проявляя недюжинную энергию при отстаивании произведений писателей, далеких от идеологического и эстетического мейнстрима. Укажем хотя бы на тот факт, что именно Гус, будучи председателем комиссии по литературному наследию репрессированного и расстрелянного в начале 1940-х гг. литератора М. Ю. Левидова, настойчиво пробивал в течение нескольких лет в борьбе с одиозным критиком О. Литовским и иже с ним (и пробил в конце концов!) переиздание замечательного левидовского романа «Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта...» (РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Д. 791. Л. 6–12, 45–46, 65–68).

Если же выйти за пределы литературы и встать на почву исследований медиа и общественного мнения, то мы найдем в работах современных социологов и специалистов в области журналистики сугубо позитивную оценку роли Гуса 1920-х гг. (Алексеев 2008; Свитич 2018), но, рассказывая о встречах с ним в 1970-е, известный петербургский социолог А. Н. Алексеев, например, отмечал в нем «дремучий» догматизм и идеологическую нетерпимость (Алексеев 2008), что не могло не сказаться на результатах его трудов указанного времени.

Цель данного исследования заключается в попытке систематизировать уже имеющиеся в литературе и ввести в научный оборот еще неизвестные общественности сведения о личности и многосторонней деятельности М. С. Гуса и на этой основе представить его вклад в историю отечественной культуры. Выполняя исследование, мы использовали следующие научные методы: архивный (анализ сохранившихся исторических документов, в т. ч. входящих в личный фонд Михаила Семеновича в РГАЛИ), биографический, историко-генетический, проблемно-хронологический, сравнительный, описательный.

В начале пути

Родной город Михаила Семеновича Гуса несколько раз менял свое название: когда в нем в 1900 г. будущий литератор появился на свет, он назывался Елисаветградом, в 1924-м его переименовали в Зиновьевск, в 1934-м – в Кирово, в 1939-м – в Кировоград, а сейчас он называется Кропивницкий. Столь же

переменчивой и зависевшей от политической конъюнктуры была и судьба самого Гуса, хотя в начальный период жизни ничего не предвещало особых катаклизмов: мальчик родился в семье врача, в 8-летнем возрасте поступил в местное реальное училище. Но то ли в 1910, то ли в 1912 г. «отец умер в результате медицинского эксперимента над собой» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 25. Л. 9), и его вдова с двумя детьми перебралась в соседний Николаев. Там мальчик окончил гимназию в 16 лет, при этом с пятнадцати, по его воспоминаниям, начал трудовую деятельность – «давая уроки» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 25. Л. 2).

В 1917 г. поступил на юридический факультет «в Киевский университет, но не окончил, так как предпочел революционную практику – академической учебе» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 25. Л. 1). Что стоит за этой туманной фразой в реальности? Был ли молодой Гус убежденным борцом с режимом уже в молодости? Этого мы не знаем. С одной стороны, в пенсионном возрасте он писал в автобиографии: «Принимал участие в деятельности подпольного совета представителей в г. Киеве в 1918 году во время гетманщины. После разгона организованной нами студенческой демонстрации в конце октября 1918 года вынужден был для избежания ареста уехать из Киева в Николаев» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 25. Л. 4). Но, с другой, заполняя в 1927 г. свой послужной список в агитпропотделе политического управления РККА, на вопросы «Какую партийную и политическую работу вел до Февральской революции?», «Участие в Октябрьском перевороте?», «Подвергался ли наказаниям за политическую работу, когда и кем именно?» он везде поставил прочерки (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 215. Л. 2). Так или иначе в 18-летнем возрасте юноша возвращается к семье в Николаев.

Там с 1919 г. он начинает печататься в местных «Известиях» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 25. Л. 1). Возникнув после Февральской революции, эта газета сначала носила название «Известия Николаевского Совета рабочих и солдатских депутатов» и идеологически колебалась в зависимости от того, чья власть устанавливалась в городе, и «только в начале 1920 года, после ухода из города денкинцев, стала выходить под новым названием – «Известия Николаевского губревкома». Тогда уже «в николаевском Совете стали преобладать большевики – и “Известия” стали большевистскими» (Киянская, Фельдман 2015: 183). Какими с политической точки зрения были первые публикации Гуса, сейчас установить проблематично.

Впрочем, не исключено, что он действительно тяготел к большевикам. Сам он в 1967 г. намекал именно на это, когда писал, что «во время Деникинской оккупации <...> исполнял некоторые поручения члена комитета подпольной большевистской организации товарища Бингштока М. Г.». Имеется в виду скорее всего Мирон Григорьевич Бингшток (1897–1974), который, видимо, в момент написания документа занимал в Москве какой-то видный пост, а через несколько лет будет похоронен как «ответственный работник» на номенклатурном Новодевичьем кладбище (https://novodevichiyecropol.narod.ru/kn_1_lines.htm). Здесь уместно отметить, что реальным руководителем Николаевского подпольного большевистского комитета в 1919 г. был гораздо более известный человек – С. Б. Ингулов (1893–1938), в будущем редактор нескольких авторитетных советских изданий, включая «Учительскую газету», «Литературную газету» и журнал «Журналист» (в нем будет активно сотрудничать в 1920-е Гус). Возможно, Ингулов как-то содействовал будущей карьере Гуса (и не только его), сначала на территории Украины, а потом и в Москве; туда Сергей Борисович был переведен в 1923 г. по агитпроповской линии, а Гус там оказался в 1926-м. Но сослаться на Ингулова через 40 лет было несподручно, поскольку он был в эпоху Большого террора репрессирован и расстрелян.

Вернемся, однако, к рубежу 1910-х и 1920-х гг., когда Гус набирается журналистского опыта в николаевских «Известиях». Учиться там литературному ремеслу было у кого: в 1920 г. возглавлял газету (правда, недолго) Владимир Нарбут (1888–1938), известный в прошлом поэт-акмеист, а в будущем успешный руководитель московского издательства «Земля и фабрика» (Киянская, Фельдман 2018: 290). Его сменил ставший позже виднейшим деятелем РАППа (и тоже москвичом) Алексей Селивановский (1900–1938). При нем газета была переименована в «Красный Николаев». Но и Селивановский вскоре покидает город, и тогда редактором назначают самого Гуса, который к тому моменту вступил уже в партию и побывал руководителем губернского отделения УК РОСТА, а наряду с этим редактором газеты для крестьянства «Незаможник». В марте 1922 г., к слову, Гуса призвали в армию по партийной мобилизации, но штаб 15-й Сивашской дивизии, в которой он стал служить начальником агитпропа, стоял в Николаеве, так что он продолжал присматривать и за «Красным Николаевом» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 25. Л. 10).

«При Гусе газета столкнулась с проблемами, о которых ее сотрудники раньше не подозревали. Закончился военный коммунизм, в стране был введен НЭП. Кроме того, в конце 1922 года была ликвидирована Николаевская губерния, Николаев <...> вошел в состав Одесской губернии <...> у окружкома не было ни средств, ни желания заниматься газетой – и она перешла на хозрасчет. Тираж ее упал, читатели <...> не хотели покупать “Красный Николаев”. Газета оказалась на грани закрытия», – так о времени редакторства Гуса пишут современные исследователи (Киянская, Фельдман 2015: 183–184).

Сам же Гус, который в середине 1923 г. был переведен в Киев, не преминул сохранить в своем домашнем архиве заверенную копию выписки из газеты (№ 747 от 7 июля), из которой следует, что бюро окружного

партийного комитета постановило «признать постановку газеты хорошей и осуществляемое т. Гусом руководство ею правильным и политически выдержанным» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 236. Л. 1), а также выписку из решения местного бюро Секции работников печати, которое – вследствие отъезда – отметило большую работу, проделанную им для укрепления пролетарской печати в Николаеве, и выразило ему свою благодарность (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 236. Л. 1 об.). Заметим в скобках, что сменил Гуса в редакторском кресле дебютировавший при нем бывший сотрудник Одесской ЧК Яков Бельский, привлечший к работе секретарем редакции Эдуарда Багрицкого, печатавшего в ней в т. ч. свои стихи (Киянская, Фельдман 2015: 185–189). При этом Гус принимал участие в роли докладчика в поэтических вечерах, на которых Багрицкий знакомил местную публику со своими произведениями.

Карьерный взлет и падение

А Гус продолжал свою журналистскую, партийную и профсоюзную карьеру. Сначала на Украине (например, «в 1924–25 годах <...> создал сеть военных газет Украинского военного округа» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 25. Л. 10)), а после демобилизации – в Москве, куда он был переведен на должность заместителя редактора журнала ЦК ВКП(б) «Красная печать». Параллельно с редакторской работой Михаил Семенович трудился на профсоюзном поприще – был одним из ключевых функционеров Центрального бюро (ЦБ) Секции работников печати (СРП), в т. ч. заведовал Кабинетом печати при этом органе. В дополнение к этому он стал преподавателем в Государственном институте журналистики (Фатеева 2017).

Совмещение Гусом столь важных постов поставило его в самый центр процесса развития, возникшего чуть раньше (на рубеже второго и третьего десятилетий XX в.) научного направления под названием «газетоведение». Этим термином мы называем хронологически первую отечественную научную школу в области журналистики, вызванную к жизни прежде всего образовательными потребностями (необходимостью создать содержательное ядро подготовки работников формирующейся в стране системы партийно-советской прессы). Впервые за пределы узкого круга специалистов термин «газетоведение», автором которого был К. П. Новицкий, вышел, по-видимому, в 1922 г. в связи с проведением и освещением в прессе III съезда работников печати (г. Москва). Кстати, Гус в этом мероприятии, организационно оформившем профсоюзную структуру журналистов в ВЦСПС, участвовал, представляя на нем Украину.

Отличительной особенностью газетоведения было отсутствие его академической институализации в момент зарождения и, соответственно, раздробленное существование школы в виде нескольких «рукавов», локализованных вне научных учреждений и поддерживавшихся благодаря потенциально возможным перспективам прикладного использования его достижений. Речь идет о таких «изводах» течения, как партийно-агитационный, образовательный и профсоюзно-отраслевой (Фатеева 2020). Понятно, что у каждого из них должны были быть свои лидеры. Действительно, в середине 1920-х гг. в качестве таковых в столице осознавались инструктор ЦК ВКП(б) Я. М. Шафир (1887–1938), председатель кафедры печати ГИЖ Ю. М. Бочаров (1887–1936) и как раз М. С. Гус – как руководитель Научного кабинета (второе название Кабинета печати) при ЦБ СРП.

Под руководством Гуса при Научном кабинете были созданы три секции (теоретико-исследовательская, учебно-методическая и рецензентско-библиографическая), функционировали консультационно-справочное бюро, библиотека, зал чтения и работы. Как центр исследований кабинет строил свою деятельность на условиях хозрасчета, опираясь на несколько проблемно-тематических комиссий (по общей теории печати; изучению читателя; оформлению произведений печати и пр.); они проводили заседания, во время которых специалистами делались и обсуждались доклады. Если верить журналу «Журналист» (в нем была рубрика «Кабинет печати»), за короткий период с момента создания комиссий и до весны 1927 г. таких заседаний состоялось 29, в них приняли участие 212 человек, заслушано 10 докладов (Кабинет печати // Журналист. 1927. № 4. С. 41–42). Как руководитель профсоюзно-отраслевого течения внутри газетоведческой школы М. С. Гус оказался хорошим организатором, всемерно содействовавшим ее общему развитию и эффективному использованию ею инструментов научной коммуникации (Фатеева 2022). Наивысшей карьерной точкой для него в этом плане можно, пожалуй, считать 1928 г., когда Гус был назначен руководителем советского отдела кельнской выставки «Пресса» (Германия), в рамках которой состоялся I Международный конгресс ученых в области прессы.

Сравнивая степень вовлеченности тех или иных лидеров газетоведения в работу смежных структур, приходишь к выводу, что именно Гус проявлял в этом наибольшее рвение. Если Шафир, например, не принимал непосредственного участия в работе журналистских учреждений формального образования (т. е. был далек от образовательного «рукава» школы), то Гус, как мы уже отмечали, сразу по приезде в Москву стал сотрудничать с ГИЖем. Он преподавал в вузе (не имея законченного высшего образования) такие курсы, как «История периодической печати», «Информация», «Публицистика»; руководил аспирантами института (Fateeva, Morozova 2021). При этом и партийное ответвление школы тоже находилось в сфере его влияния, поскольку он был вторым человеком в редакции двухнедельника ЦК ВКП(б) «Красная печать» (1921–1928). Будучи органом агитационно-пропагандистского отдела ЦК, этот журнал «основное внимание

<...> уделял вопросам партийно-политического руководства печатью <...> а также инструктирования партийно-советской прессы» (Панфилова 1974: 13).

В результате к концу 1920-х гг., особенно после того, как Ю. М. Бочаров был переведен на работу в Госиздат и его место в качестве руководителя профильной кафедры ГИЖ занял Гус, именно М. С. Гус фактически оказался во главе всего советского газетоведения. По крайней мере, так он воспринимался со стороны. Особенно оппонентами – и особенно рьяно в момент разгрома школы (а ее деятельность была искусственно прервана в самом начале 1931 г. на фоне общего ухудшения политической и социокультурной атмосферы в стране). Директивные и инструктивные публикации того же «Журналиста» указанного времени буквально пестрят инсинуациями в адрес Гуса. Он упоминается то единолично, то в связке с Курсом (бывший коллега Гуса по столичному институту журналистики Александр Курс в конце 1930 г. был арестован органами как участник т. н. «право-левацкого блока Сырцова – Ломинадзе», находившегося якобы в оппозиции Сталину). Так, призывая «боевыми темпами перестроить газетоведческий фронт», журнал утверждал, что концепции Гуса и Курса «были построены на основе догматических положений американских и европейских теоретиков, на опыте и разработке практики буржуазной печати», что этими идеологами «по существу выхолащивалась классовая природа газеты», «игнорировалось ленинское учение» о ней и «не разрабатывался опыт партийно-советской печати», а сами они «люди весьма недалекие: большие путаники, формалисты, ползучие эмпирики, метафизики, механисты <...> правые оппортунисты» (Черепенин П. Боевыми темпами перестроить газетоведческий фронт // Журналист. 1931. № 10. С. 9–10).

Резкий поворот в судьбе

Потеряв в результате разгромной кампании все свои посты, Гус вынужден был радикально сменить поле деятельности – в 1930-е гг. он в основном «работал в московских театрах заведующим литературной частью, активно занимался театральной критикой и публицистикой» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 25. Л. 1). Помимо этого, он выступал как драматург, публикуя пьесы, написанные единолично или в соавторстве с женой М. Ф. Корниловой («Луна над Москвой», «Солдатское счастье») либо другими авторами (М. Ю. Левидовым и пр.). Некоторые из них активно ставились по всей стране, например историко-патриотическая драма «Ключи Берлина» (в соавторстве с К. Финном), воспроизводившая эпизоды Семилетней войны (1756–1763), в результате которой русские войска одержали победу над Пруссией.

С первых дней Великой Отечественной войны М. С. Гус, в числе большой группы советских писателей, оказался на радио: ему «было поручено вести “войну в эфире” с нашим главным противником – геббельсовской пропагандой» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 25. Л. 7). Логично предположить, что при выборе поля деятельности для Гуса («контрпропаганда, обращенная к населению Германии») было учтено его обширное знакомство с положениями немецкой науки о журналистике *Zeitungswissenschaft* (Хубецова 2022: 336), углубленно занимавшейся в предвоенный период вопросами управления общественным мнением, включая организацию агитационно-пропагандистских кампаний нацистского толка.

В феврале 1945 г. Михаил Семенович в составе «специальной звукозаписывающей бригады» был откомандирован в распоряжение 1-го Белорусского фронта, чтобы запечатлеть на пленку материалы, связанные с боями на подступах к Берлину, а затем и уличными столкновениями в столице гитлеровской Германии. По некоторым данным, входили в эту бригаду Всесоюзного радио, кроме Гуса, звукооператор А. Спасский, писатель А. Медников и редактор М. Шалашников; непосредственно в Берлине они якобы оказались 24 апреля (https://vk.com/wall-39545560_40331). С большой долей уверенности можно утверждать, что членам этой бригады довелось выполнять свои служебные обязанности при подписании Акта безоговорочной капитуляции фашистских войск, состоявшемся в ночь с 8 на 9 мая. По крайней мере оригинальные снимки с этого события Гус хранил в своем домашнем архиве всю жизнь (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 236. Л. 4, 5).

Еще более ответственная роль выпала Гусу-радиожурналисту сразу после Победы: в ноябре 1945 г. он был направлен в Нюрнберг, где, по его версии, «организовал бюро Советского Радио и в течение восьми месяцев освещал ход процесса» против нацистских преступников. Как известно, Нюрнбергский трибунал был гласным и открытым: в зал суда было выдано 60 тысяч пропусков, 250 из 350 мест в зале было отведено представителям прессы. Из них советских журналистов и писателей во Дворце правосудия побывало 45 человек. Их направляли в Германию последовательно четырьмя постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) (от 20 октября, 15, 20 и 24 ноября). В первом из них названы два представителя Радиокomiteта, но это А. А. Сурков и уже упоминавшийся выше М. С. Шалашников (<https://nurnberg.rusarchives.ru/documents/postanovlenie-politbyuro-ck-vkpb-o-poezdke-sovetskih-zhurnalistov-v-g-nyurnberg-na>). Во втором радиийщики не упомянуты вовсе (<https://nurnberg.rusarchives.ru/documents/postanovlenie-politbyuro-ck-vkpb-o-poezdke-sovetskih-zhurnalistov-v-g-nyurnberg-na-0>). Остается предполагать, что Гус был командирован на процесс одним из двух последних постановлений и прибыл в Нюрнберг уже после начала суда, что вполне согласуется с другими сведениями о его пребывании там.

Сразу подчеркнем, что если деятельность советских газетчиков, работников ТАСС, художников, а также фото- и киножурналистов на Всемирном трибунале неоднократно становилась предметом описания и анализа (Авдеев 2022; Дякин 2017; Коченасова 2022; Колесникова 2016; Щукина, Таскаева, Данилова 2020), то об освещении его советским радио известно мало. Тем ценнее оказываются рассредоточенные по архивам единичные донесения очевидцев и участников тех событий, в том числе самого Гуса. Важно отметить, что до сих пор архивистами были обнародованы оригиналы текстов девяти его репортажей с процесса, направленных в редакцию иновещания в период с 16 по 27 декабря 1945 г. (<https://nurnberg.rusarchives.ru/documents/gus-mihail-semenovich-reportazhi-s-nyurnbergskogo-processa>), а также его лапидарное письмо в Союзрадио с сообщением о работе в Нюрнберге от 3 мая 1946 г. (<https://nurnberg.rusarchives.ru/documents/gus-mihail-semenovich-pismo-v-soyuzradio-s-soobshcheniem-o-rabote-v-nyurnberge>). Однако среди неопубликованных документов писателя нами был обнаружен машинописный вариант более позднего и гораздо более развернутого отчета о работе на процессе корреспондентского пункта Радиокomiteта (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–4), подготовленный Гусом на несколько недель позже.

Как следует из этого документа, в Нюрнберге «московскому радио» удалось оборудовать в отдельном помещении студию, в результате чего оно располагало, кроме звукозаписывающей аппаратуры, «прямой телефонной связью с Москвой», а также «двумя линиями из зала суда, позволяющими слушать выступления одновременно на оригинальном языке говорящего и русский перевод». По свидетельству Гуса, «ни ТАСС, ни крупнейшие англо-американские агентства и вещательные компании не располагали ничем подобным» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 220. Л. 1). Как следствие, советские сообщения для радио «передавались по телефону непосредственно после заседаний», поэтому московские радийщики в плане оперативности «во всяком случае не отставали, а скорее даже обгоняли иностранные агентства» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 220. Л. 3).

В отношении статистики Гус сообщает: «за время с 11 декабря по 28 мая <...> мы передали всего в Москву 265 890 слов. Из них только для союзного вещания было передано 148 тысяч слов, только для иностранного вещания – 86 245 и информации для сведений закрытого характера – 31 645 слов» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 220. Л. 2), причем на долю Гуса, который «почти всё это время работал один» (там же), из них приходилось 216 тысяч слов (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 220. Л. 3). Понимая, что производимые студией аудиозаписи являются ценнейшим историческим источником, Гус констатирует, что «ввиду ограниченных объемов пленки <...> удалось записать только полностью весь ход советского выступления, то есть речи наших обвинителей и показания свидетелей <...>, а также показания основных обвиняемых и главных свидетелей защиты <...>. Всего записано 148 часов на 485 километрах пленки». Поскольку расходные материалы студии исчерпаны, «необходимо добыть новый запас пленки, чтобы записать хотя бы последнюю стадию процесса» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 220. Л. 3).

Нам неизвестны в точности обстоятельства подготовки отчета (и даже то, был ли он на самом деле отправлен в Москву), но по черновику видно, что автор, искренне рассчитывающий в будущем на развертывание широкой заграничной сети советского радио, как минимум имел намерение указать начальству на существенные недостатки работы корпункта на Международном трибунале. Он сравнивал его продуктивную, но ограниченную операционально деятельность с полноценной деятельностью некоторых иностранных вещательных компаний (британской ВВС и американских «Колумбии» и NBC), осуществлявших в 1945–1946 гг. прямые трансляции из Нюрнберга. В связи с этим Михаил Семенович в конце документа ставил «вопрос о том, чтобы Радиокomiteт, если он будет располагать своими пунктами за границей, имел возможность, хотя бы из немногих стран, давать материал в Москву, в эфир, если не прямо для вещания, то хотя бы для записи и дальнейшего использования» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 220. Л. 4). Не стоит даже и говорить, что до формата прямого эфира из-за границы отечественному вещанию – и по цензурным соображениям, и по техническим – было еще очень и очень далеко.

Последние десятилетия и итог

После возвращения на родину осенью 1946 г. М. С. Гус явно предпринимал некоторые усилия, чтобы остаться в обойме советских пропагандистов-международников, имевших доступ к спецхранам и мандат на работу с идеологическими конструктами, определявшими жизнь в пределах мирового социалистического лагеря. Но этого не случилось. Поэтому он, хотя и написал несколько книг, клеймивших западных воротил политики и бизнеса («За кулисами второй мировой войны», 1947; «Американские империалисты – вдохновители мюнхенской политики», 1951; «Борьба Советского Союза за разоружение и запрещение атомного оружия», 1951), и эти книги были даже переведены на несколько иностранных языков («в странах народной демократии»), тем не менее основной точкой приложения его творческих усилий со временем вынужденно оказывается не политика, а литература.

Как художник он оставался на ниве исторического жанра. Например, в 1964 г. выпустил роман «Дуэль в Кабуле» о «несправедливо забытом замечательном путешественнике-поляке на русской службе Яне

Виткевиче», жившем в XIX в. (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 25. Л. 13). Таким образом наш герой, как он искренне верил, содействовал улучшению дружбы и сотрудничества между СССР, Афганистаном и Польшей. Недаром же он состоял членом комиссии культурных связей при Советском комитете защиты мира! Между прочим, некоторые эксперты, сравнивая близкие по тематике исторические произведения Юлиана Семенова («Дипломатический агент») и Михаила Гуса, отдавали предпочтение именно роману последнего – за его верность фактологии (Дьяков В. А. Факты или вымысел? // Звезда. 1969. № 9. С. 202–208).

Тем не менее более активной и востребованной стала деятельность М. Гуса в области критики и литературоведения (книги «Гоголь и николаевская Россия», 1957; «Искусство и демократия», 1959; «Литература и эпоха», 1963; «Модернизм без маски», 1966; «Идеи и образы Достоевского», 1971). Ее мы немного коснулись в начале статьи. Справедливости ради отметим, что не всегда наш автор оказывался в роли воинствующего борца за генеральную линию в литературе. Иногда доставалось от еще более ортодоксальных деятелей, наоборот, ему. Так, анализируя его статью «Ленинская партийность и ее критики», некий С. Старец обвинял автора, «либерала» и «схолоста», в отрицании принципа партийного руководства литературой: «Почитайте статью М. Гуса, и вы увидите, что развитие социалистической литературы изображается тут как процесс чисто стихийный. Автор смазывает роль партии в становлении и развитии советской литературы» (Старец С. Еще о пользе ясности (По поводу статьи М. Гуса «Ленинская партийность и ее критики») // Дон. 1958. № 9. С. 181).

Однако чем старше становился писатель, чем более он вживался в роль заместителя секретаря парткома по пропаганде и члена правления крупнейшей в Союзе писателей организации (московской), тем проще, плоче и одностороннее становилось не только его творчество, но и его представление о себе самом: «Мне была поручена партийно-пропагандистская работа, которая и стала делом всей моей жизни» (РГАЛИ. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 25. Л. 2]. Столь неуклюжей самохарактеристикой (когда о себе говорится в пассивном залоге и на смеси канцелярита и избитых штампов) он словно засвечивал и обнулял наиболее ценные грани своей биографии: участие в становлении газетоведческой науки и институтов журналистского образования; плодотворную профсоюзную деятельность (до того, как ВСЦСПС стал частью государственной машины, а журналистский профсоюз и вовсе был уничтожен); планы организации прямых радиоэфиров из-за рубежа; борьбу с фашистской идеологией и пропагандой; сотрудничество и дружбу с талантливейшими представителями своего поколения В. Шкловским, М. Левидовым, А. Фадеевым, А. Курсом; художественное и публицистическое творчество. Всё мельчает и уходит при такой самопрезентации куда-то за горизонт осязаемости. И это та цена, которую Михаил Гус платит в наших глазах за свой жизненный выбор, за свою колею длиною в целую жизнь, за свой «компромисс» (используем этот довлатовский образ) с партийной диктатурой и обветшалой эпохой.

До перестройки он не дожил всего ничего, уйдя в символическом 1984 году. Может, и к лучшему...

Список источников

Авдеев С. А. Блики войны. Боевой путь и наследие фронтовых кинооператоров // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы. Материалы XXVI региональной молодёжной научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 2022. С. 40–44.

Алексеев А. Замечание об истории социологии «с человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 64.

Дякин Я. А. Освещение Нюрнбергского процесса в советской центральной и региональной прессе // Взгляд через столетие: революционная трансформация 1917 года (общество, политическая коммуникация, философия, культура) : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 2017. С. 136–144. <https://doi.org/10.24045/conf.2017.1.12>.

Киянская О. И., Фельдман Д. М. Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х–1930-х годов. Портреты и скандалы. М. : ФОРУМ, 2015. 448 с.

Киянская О. И., Фельдман Д. М. «Легче верблюду пройти в игольное ушко, чем Нарбутам сделаться коммунистами»: к истории противостояния В. И. Нарбута и А. К. Воронского в 1927 г. // Труды по Россиеведению. 2018. № 7. С. 280–308.

Кочепасова Т. Ю. Суд истории: хроника Нюрнбергского процесса на страницах центральных советских газет // Влияние итогов Нюрнбергского процесса на становление новой системы международного судопроизводства / под редакцией А. Г. Чернявского, Г. Ф. Чекмарева, Н. А. Синяевой. М., 2022. С. 17–29.

Колесникова Л. Е. Кукрыниксы на Нюрнбергском процессе // Военно-исторический журнал. 2016. № 10. С. 60–62.

Панфилова А. М. Советская периодическая печать как исторический источник: учебно-методическое пособие. М. : Изд-во МГУ, 1974. 64 с.

Свитич Л. Г. Социология журналистики: учебник для академического бакалавриата. Москва: Издательство Юрайт, 2018. С. 164–181.

Фатеева И. А. Газетоведение как научно-образовательная школа в России: сто лет спустя : монография. М. : МПГУ, 2020. 388 с.

Фатеева И. А. Наука о журналистике на попечении отраслевого профсоюза: ретроспективный взгляд // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 3 (77). С. 250–262. <https://doi.org/10.17223/19986645/77/13>.

Фатеева И. А. Первая научно-образовательная школа по журналистике России: ГИЖ // Век информации. 2017. № 3. С. 64–72.

Хубецова З. Ф. Язык массмедиа как объект науки о журналистике: к истории формирования Петербургской медиалингвистической научной школы // Медиалингвистика. 2022. № 9 (4). С. 330–354. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.403>.

Щукина Т. В., Таскаева М. А., Данилова Д. П. Нюрнбергский процесс в освещении кинодокументов // Наука молодых – будущее России: сборник научных статей 5-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых : в 4 т. Курск, 2020. С. 394–396.

Fateeva I. A., Morozova A. A. Journalistic post-graduate education in the USSR: heritage that we have lost // Dynamics of Media Systems. 2021. № 1. P. 170–177.

References

Avdeev, S. A. (2022). Bliki vojny. Boevoy put' i nasledie frontovych kinooperatorov [The glare of war. The combat path and legacy of front-line cameramen]. *Rossijskaja civilizacija: istorija, problemy, perspektivy*. Irkutsk, 40–44. (In Russ.).

Alekseev, A. (2008). Zamechanije ob istorii sociologii «s chelovecheskim licom» [A note on the history of sociology «with a human face»]. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, 3, 64. (In Russ.).

Djakin, Ja. A. (2017). Osveshchenije Njurnbergskogo processa v sovetskoj central'noj i regional'noj presse [Coverage of the Nuremberg trials in the Soviet central and regional press]. *Vzglyad cherez stoletije: revoljucionnaja transformacija 1917 goda (obshchestvo, politicheskaja kommunikacija, filosofija, kul'tura)*, 136–144. <https://doi.org/10.24045/conf.2017.1.12>. (In Russ.).

Kijanskaja, O. I. & Fejzman, D. M. (2015). *Očerki istorii russoj sovetskoj literatury i zhurnalistiki 1920-ch – 1930-ch godov. Portrety i skandaly* [Essays on the history of Russian Soviet literature and journalism of the 1920s-1930s. Portraits and scandals]. Moscow: FORUM, 448 p. (In Russ.).

Kijanskaja, O. I. & Fejzman, D. M. (2018). «Legche verbljudu proiti v igol'noe ucho, chem Narbutam sdelat' sja kommunistami»: k istorii protivostojanija V. I. Narbuta i A.K. Voronskogo v 1927 g. [“It is easier for a camel to go through a needle's ear than for Narbut to become Communists”: on the history of the confrontation between V. I. Narbut and A. K. Voronsky in 1927.]. *Works on Russian Studies*, 7, 280–308. (In Russ.).

Kochevasova, T. Yu. (2022). Sud istorii: chronika Njurnbergskogo processa na stranicach central'nyh sovetskich gazet [The Court of History: chronicle of the Nuremberg trials on the pages of the central Soviet newspapers]. *Vlijanije itogov Njurnbergskogo processa na stanovlenije novoj sistemy mezhdunarodnogo sudoproizvodstva*. Moscow, 17–29. (In Russ.).

Kolesnikova, L. E. (2016). Kukryniksy na Njurnbergskom processe [Kukryniks at the Nuremberg Trials]. *Military History Magazine*, 10, 60–62. (In Russ.).

Panfilova, A. M. (1974). *Sovetskaja periodicheskaja pechat' kak istoricheskij istochnik* [The Soviet Periodical Press as a historical source]: uchebno-metodicheskoe posobie. Moscow: MSU Publ. 64 p. (In Russ.).

Svitich, L.G. (2018). *Sociologija zhurnalistiki* [Sociology of Journalism]. Moscow: Jurait, 164-181 (In Russ.).

Fateeva, I. A. (2020). *Gazetovedenije kak nauchno-obrazovatel'naja shkola v Rossii: sto let spustja*: monogr. [Newspaper studies as a scientific and educational school in Russia: a hundred years later]: monograph. Moscow, MPSU, 388 p. (in Russ.).

Fateeva, I. A. (2022). Nauka o zhurnalistike na popechenii otraslevogo profsojuza: retrospectivnyj vzglyad [The Science of journalism in the care of an industry trade union: a retrospective view]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 3 (77), 250–262. <https://doi.org/10.17223/19986645/77/13>. (in Russ.).

Fateeva, I. A. (2017). Pervaja nauchno-obrazovatel'naja shkola po zhurnalistike Rossii: GIZH [The first scientific and educational school of journalism in Russia: SJI]. *The Age of Information*, 3, 64–72. (in Russ.).

Chubecova, Z. F. (2022). Jazyk massmedia kak object nauki o zhurnalistike: k istorii formirovanija Peterburgskoj medialingvisticheskoj nauchnoj shkoly [The Language of Mass Media as an Object of Journalism Science: on the History of the Formation of the St. Petersburg Media Linguistic Scientific School]. *Media Linguistics*, 9 (4), 330–354. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.403>. (in Russ.).

Shchukina, T. V., Taskaeva, M. A., Danilova, D. P. (2020) Njurnbergskij process v osveshchenii kinodokumentov [The Nuremberg Trials in the coverage of documentary films]. *Nauka molodych – budushchee Rossii*. Kursk, 394–396. (in Russ.).

Fateeva, I. A. & Morozova, A. A. (2021). Journalistic post-graduate education in the USSR: heritage that we have lost. *Dynamics of Media Systems*, 1, 170–177.

Информация об авторе

И. А. Фатеева – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры медиаобразования.

Information about the author

Irina A. Fateeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of Media Education Department.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 19.03.2024.
The article was submitted 14.03.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 19.03.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.